

© А. М. СТОЧИК, С. Н. ЗАТРАВКИН, 1998

УДК 378.661:93(470)

А. М. Сточик, С. Н. Затравкин

РАЗРАБОТКА ПРОГРАММЫ ОБУЧЕНИЯ НА МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПЕРИОД РАБОТЫ ПО ПОДГОТОВКЕ УСТАВА 1835 Г.

Сообщение 1. События 1825—1828 гг.

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН

Предусматривавшаяся "Уставом" 1804 г. переориентация деятельности медицинского факультета на выпуск специалистов, уровень практической подготовки которых позволял бы присваивать им одновременно с окончанием университета право на врачебную практику, потребовала коренной реорганизации всего учебного процесса¹. Задача не из легких, особенно для Московского университета, сильно пострадавшего и в кадровом, и в материально-техническом отношении от войны, оккупации и московского пожара. В результате первые 16—17 лет работы медицинского факультета в условиях действия нового устава превратились в непрерывную череду преобразований и восстановления потерь, нанесенных наполеоновским нашествием. К началу 20-х годов было сделано немало: удалось ввести преподавание 14 самостоятельных учебных курсов², существенно повысить уровень преподавания естественных и теоретических врачебных наук, разработать и внедрить методику проведения клинических занятий у постелей больных, создать и ввести в действие значительную для того времени клиническую базу, общая коечная мощность которой составляла 50 кроватей, внести изменения в организацию учебного процесса, позволявшие при сохранении цикловой системы обучения осуществлять подготовку студентов в условиях ежегодного приема в университет. Факультет стал ежегодно выпускать 30—40 врачей³, уровень практической подготов-

ки которых, судя по приходившим в Московский университет отзывам не вызывал нареканий. И все же сложившаяся к середине 20-х годов XVIII века программа обучения на медицинском факультете в плане ее соответствия новым целевым установкам университетского медицинского образования была еще далека от совершенства. Фактически единой учебной программы, ориентированной на подготовку врача, еще создано не было. Отсутствовала и строгая последовательность преподавания: занятия в клинических институтах зачастую начинались задолго до того, как студенты завершали изучение базовых теоретических дисциплин, которые в свою очередь читались параллельно с естественными науками⁴.

Однако профессора факультета, похоже, не замечали имевшихся недостатков: то ли устали от постоянных новшеств, то ли считали, что содеянного вполне достаточно. Они наслаждались передышкой, обсуждая на заседаниях Совета лишь частные вопросы.

Но спокойная жизнь на медицинском факультете продолжалась недолго. В последние дни июня 1825 г. на очередном заседании Совета Московского университета ректор А. А. Прокопович-Антонский зачитал письмо попечителя Московского учебного округа: князь А. П. Оболенский "предлагал" Совету "немедленно заняться надлежащими соображениями" о том, "какие именно и по каким причинам нужны перемены в существующем ныне Уставе сего университета, или какие требуются дополнения к оному во всех отношениях Устава, т. е. учебном, ученом, хозяйственном и полицейском", и представить "мнение" Совета к "25 числу будущего Июля"⁵. К письму прилагался циркуляр министра народного просвещения А. С. Шишкова, в котором прямо говорилось о необходимости срочной замены действовавших уставов всех российских уни-

¹ Сточик А. М., Затравкин С. Н. "Устав Императорского Московского университета" 1804 года и его введение на медицинском факультете // Пробл. соц. гиг. и история мед. — 1997. — № 5. — С. 42—46.

² Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых с 17 дня Августа 1824 по 28 Июня 1825 года, по назначению Совета. — М., 1824.

³ Страшун И. Д. 175 лет // 175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С. 16.

⁴ Album Studiosorum. — Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ им. М. В. Ломоносова. — 5 Те 502.

⁵ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 2648. — Л. 4.

верситетов и об образовании для этого в министерстве специальной комиссии⁶.

Работа по подготовке нового университетского устава продолжалась около 10 лет: он был подтвержден 26 июля 1835 г. Разработка и обсуждение вопросов, касавшихся проблем университетского медицинского образования, завершились значительно раньше — в начале 1829 г. и проходили при активном участии профессоров медицинского факультета Московского университета. В отечественной историко-медицинской литературе ни об участии профессоров-медиков в подготовке, ни о самой подготовке этого документа не говорится ни слова. В лучшем случае можно встретить лишь более или менее подробные описания предусматривавшихся уставом 1835 г. нововведений и сетования в отношении ликвидации им ряда университетских свобод⁷. Вместе с тем события 1825—1829 гг., связанные с работой над уставом 1835 г., знаменуют начало нового этапа развития высшего медицинского образования в России. Их результатом стало возникновение качественно новой учебной программы подготовки врача на медицинских факультетах российских университетов.

Назначение в мае 1824 г. на пост министра народного просвещения семидесятилетнего адмирала А. С. Шишкова было событием глубоко символичным. Оно свидетельствовало не только об апогее влияния Аракчеева, стремившегося, по словам современника, "из России построить казарму, да еще поставить фельдфебеля к дверям"⁸, но и означало полную победу консервативной оппозиции в борьбе с александровской политикой в области просвещения.

Реакция усиливалась постепенно, но неуклонно. Она коснулась практически всех сторон внутривластной жизни России, в том числе народного просвещения. Печально известная "Инструкция" для училищного комитета, преследовавшая цель "посредством лучших учебных книг водворить постоянное и спасительное согласие между верой, ведением и разумом", разгром М. Л. Магницким Казанского университета, так называемый "процесс четырех профессоров" в Петербурге, закончившийся их увольнением и отставкой будущего реформатора университетского образования, а тогда попечителя Петербургского учебного округа, С. С. Уварова⁹, нанесли ощутимый ущерб развитию университетского образования в России. Но в целом система просвещения, порожденная александровскими реформами 1802—1805 гг., разрушена не была. Идеология ее сохранялась.

Назначение Шишкова грозило кардинальной сменой политического курса в области народного образования. Александр не мог этого не понимать: для этого не требовалось ни особой интуиции, ни дара предвидения, достаточно было просто вспомнить поданный Шишковым еще в 1815 г. "План нового устройства училищ" и его отзывы о деятельности Министерства народного просвещения¹⁰. Но Александр вынужден был уступить. Уже через 10 дней после назначения 25 мая 1824 г. Шишков представил государю проект рескрипта, в котором резко осуждалась политика, проводившаяся в области народного образования и цензуры, министерство обвинялось "во всяком покровительстве и ободрении нравственного зла под названием духа времени"; новому министру предлагалось при-

⁶ Там же. — Л. 1—3 об.

⁷ См., например: Страшун И. Д. Цит. соч. — С. 20—21, Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета, I Московского ордена Ленина медицинского института. — М., 1955. — С. 63—64; Бородулин Ф. Р. 200 лет I Московского ордена Ленина медицинского института им. И. М. Сеченова // Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института им. И. М. Сеченова. — М., 1959. — С. 20—21; Архангельский Г. В. Ф. И. Иноземцев и его значение в развитии русской медицины. — М., 1959. — С. 34—35.

⁸ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. — М., 1993. — Кн. 3. — С. 412.

⁹ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. — СПб., 1902. — С. 115—130.

¹⁰ "Кажется, как будто все училища превратились в школы разврата, — писал тогда Шишков, — и кто оттуда ни выйдет, тотчас покажет, что он соврашен с истинного пути, и голова у него набита пустою, а сердце самолюбием, первым врагом благоразумия" (Рождественский С. В. Цит. соч. — С. 165).

нять срочные меры "по обузданию разврата" и проведению коренной реформы всей системы народного образования¹¹. Подписание такого рескрипта могло привести к полному разгрому российских университетов. В 1824 г. Александр был уже совсем не тот, что в первое десятилетие своего царствования. Его политическая воля была сломлена. Многие историки даже высказывают мнение, что в 1823—1825 гг. Александр был императором России лишь номинально. Он подписывал указы, менял министров, произносил речи, присутствовал на смотрах и парадах, а ответственные решения принимали за него другие. Возможно, так оно и было, но поданный Шишковым рескрипт Александр не подписал. Его воля была сломлена, но не настолько, чтобы переступить через самого себя.

Однако Шишкова, это обстоятельство смутило лишь отчасти. Если даже в начале века, в тот период, когда Александр быстро набирал силу, он спокойно и открыто критиковал его деятельность и работу Негласного комитета, то теперь у него не было никаких оснований менять свою позицию. Отказ Александра в подписании рескрипта заставил Шишкова лишь изыскивать иные пути или, как писал сам министр, "способы к тихому и скорому потушению зла"¹².

Выход из положения был найден им в замене действовавших "никуда не годных" университетских уставов новым единым общероссийским уставом, который смог бы "наставить университеты на путь нравственности, морали и веры". 13 июня 1825 г. Шишков направил попечителю Московского учебного округа Оболенскому упоминавшееся выше циркулярное письмо и просил представить ему мнение московских профессоров в отношении необходимых "перемен" в действовавшем Уставе Московского университета. Примечательно, что Шишков не просто запрашивал мнение попечителя и профессоров. Прежде чем сформулировать свои вопросы, он "кратко" более чем на трех страницах из пяти изложил те необходимые, с его точки зрения, "начала, на коих важное произведение сие долженствует единообразно утвердиться"¹³. Он не просто интересовался взглядами московских профессоров и князя Оболенского, он провоцировал их, стремясь установить меру лояльности профессоров и руководителей университета, избегнувшего "чисток" конца 10-х годов, к новому политическому курсу в сфере народного просвещения. Нельзя исключить, что и данное им разрешение отдельным профессорам, несогласным с общим мнением Совета, присылать свои особые мнения преследовало ту же самую цель.

И провокация удалась. Профессора Московского университета, вероятно не почувствовав "подставки" или решив, что министра действительно интересует их точка зрения, хотя и не прямо, но более чем определенно заявили, что действующий устав их полностью устраивает. Профессора высказали целый ряд замечаний, но все они носили сугубо частный характер. Правда, нельзя полностью исключить того, что профессора все прекрасно поняли, но решили "пойти на вы" — попытаться дать отпор надвигающейся реакции. Основанием для такого предположения служит сделанный ими комментарий к § 112 Устава 1804 г., в котором они предложили увеличить продолжительность "приготовления" для студентов всех факультетов с одного года до двух лет при сохранении общего времени обучения в университете, что являлось явным выражением их стремления усилить не столько специальную, сколько общеобразовательную подготовку выпускников университета¹⁴. Представляется невероятным, чтобы профессора, выступая с таким предложением, не понимали, насколько оно противоречит позиции, изложенной в циркулярном письме министра. "Излишнее множество и великое разнообразие учебных предметов, — писал Шишков, — должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено, во-первых, в тех познаниях, кои самым учреждением разных учебных заведений постановлены, и, во-вторых, сообразно со званиями, к коим учащиеся предназначаются"¹⁵.

Если выделить из общего итогового мнения Совета Московского университета мнение профессоров медицинского факультета, то следует отметить, что они также ограничились лишь частными замечаниями. Правда, на первый взгляд может показаться, что эти замечания носили принципиальный характер. В самом деле, если сопоставить текст § 24 Устава 1804 г. и соответствующий параграф в итоговом мнении Совета Московского университета, то сразу же обращает на себя внима-

¹¹ Там же. — С. 167.

¹² Там же. — С. 164—165.

¹³ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 2648. — Л. 2.

¹⁴ Там же. — Л. 14 об.

¹⁵ Там же. — Л. 2 об.

"Устав Императорского Московского университета" 1804 г. ¹⁶	Мнение Совета Московского университета 24 июля 1825 г. ¹⁷	Проект университетского устава, составленный А. А. Писаревым 16 апреля 1826 г. ¹⁸
1. Анатомия, Физиология и Судебная Врачебная Наука	1. Анатомия, Судебная медицина и Медицинская Полиция	1. Анатомия
2. Патология, Терапия и Клиника	2. Физиология, Патология и История медицины	2. Сравнительная физиология
3. Врачебное веществознание, Фармация и Врачебная Словесность	3. Фармация, Фармакология и Рецептатура	3. Патология, Терапия и Клиника
4. Хирургия	4. Хирургия теоретическая и практическая	4. Фармакология и Фармация
5. Повивальное искусство	5. Терапия, Клиника и Диететика	5. Хирургия
6. Скотолечение	6. Повивальное Искусство и Науки о женских и детских болезнях	6. Окулистика
	7. Скотолечение	7. Повивальное Искусство и Детские болезни
		8. История медицины, Методология медицины и Судебная медицина
		9. Скотолечение

ние, что профессора предложили, во-первых, ввести преподавание целого ряда важнейших и непредусмотренных действующим уставом дисциплин, как то: медицинской полиции, истории медицины, фармакологии, диететики, курсов детских и женских болезней, а во-вторых, провести перераспределение учебных предметов между профессорскими курсами, выделив преподавание физиологии, патологии и истории медицины в самостоятельный дополнительный седьмой курс (см. таблицу). Однако бросающееся в глаза при простом сопоставлении двух текстов обилие отличий не должно вводить в заблуждение. Если проанализировать предложения профессоров исходя из того, насколько, в случае их официального признания и включения в новый устав, изменились бы организация и содержание учебного процесса на медицинском факультете Московского университета и в какой мере это отразилось бы на дальнейшем совершенствовании учебной программы подготовки врача, то становится очевидным, что эти предложения не содержали практически ничего нового по сравнению с тем, что уже было сделано в Московском университете в рамках Устава 1804 г., причем в течение первых нескольких лет после его утверждения¹⁹. Профессора медицинского факультета давали ясно понять руководителям университета и министерства, что они не считают нужным что-либо менять в сложившемся в рамках действовавшего Устава порядке преподавания. Сказанное относится и к идее организации кафедры "Физиологии, Патологии и Истории медицины". Такое нововведение само по себе не могло заметно усовершенствовать существовавшую на факультете учебную программу подготовки специалистов. Более того, если профессора предполагали выделить преподавание всего курса патологии из кафедры "Патологии, Терапии и Клиники", т. е. как общей, так и частной, читавшейся М. Я. Мудровым у постелей больных, то это могло даже отрицательно сказаться на уровне и качестве выпускаемых университетом врачей. Все вместе взятое позволяет предположить, что затея профессоров с перераспределением учебных предметов преследовала совершенно иную цель: найти более или менее убедительное обоснование для того, чтобы увеличить число ординарных профессорских должностей на факультете. И лучшей для этого идеей, чем создание кафедры физиологии, патологии и истории медицины, придумать было сложно: к 1825 г. кафедры физиологии и общей патологии были открыты в десятках европейских университетов: кроме того, создание такой кафедры предписывалось Уставом Дерптского университета, высочайше утвержденным в 1820 г.

И еще: мысль использовать министерский запрос для расширения (под благовидным предлогом) штатов факультета пришла, по-видимому, что называется *ex tempore*. Если бы предложение об организации кафедры физиологии, патологии и истории медицины было выражением заранее продуманной и согласованной позиции профессоров факультета, то вряд ли М. Я. Мудров, прекрасно разбиравшийся в вопросах университетского медицинского образования и к тому же являвшийся в 1825—1826 гг. деканом факультета, в последний момент перед Советом университета, попечителем и министром стал бы резко возражать против этого. А именно так и произошло:

в день последнего заседания Совета 24 июля 1825 г., когда утверждался окончательный вариант мнения профессоров Московского университета, он, воспользовавшись разрешением министра, подал "особое мнение", где с нескрываемым раздражением осудил затею своих коллег в отношении перераспределения учебных дисциплин между профессорскими курсами и заявил, что считает "удобнейшим распределение Медицинских наук, изложенное в Высочайше утвержденном Уставе"²⁰. Разумеется, М. Я. Мудров ничего не имел против увеличения числа ординарных профессорских должностей на факультете, но при этом справедливо полагал, что расширение штата должно использоваться для совершенствования программы подготовки врача, и предлагал организовать дополнительную седьмую кафедру для преподавания двух новых и чрезвычайно важных для образования врача предметов: патологической анатомии и сравнительной физиологии²¹. И это была единственная действительно серьезная поправка к Уставу 1804 г. из всех высказанных профессорами медицинскими факультета в середине 1825 г. М. Я. Мудров ставил вопрос о кардинальном расширении объема преподавания естественно-научных основ клинической медицины, важнейшей из которых в тот период являлась патологическая анатомия.

К 1825 г. элементы патологической анатомии в Московском университете преподавались: отдельные сведения излагали Ю. Х. Лодер в курсе анатомии и сам М. Я. Мудров в курсе "частной Медицины Клинической". Но этого было явно недостаточно. Еще в 1805 г. М. Я. Мудров обращал внимание попечителя М. Н. Муравьева на необходимость введения самостоятельного профессорского курса этой важнейшей науки, "отверзающей двери к таинствам физиологии болезней"²². Тогда, в начале века, что-либо сделать не удалось, и М. Я. Мудров, взяв на себя (по примеру И. П. Франка) преподавание элементов патологической анатомии и демонстрацию студентам вскрытий умерших в университетских клиниках, долго ждал удобного случая, чтобы вновь вернуться к обсуждению и решению этой проблемы. Идея организации отдельной кафедры для преподавания патологической анатомии была им давно и тщательно продумана. О серьезности высказанного им в июле 1825 г. предложения свидетельствует и тот факт, что М. Я. Мудров продумал и согласовал вопрос о кандидатуре профессора этой кафедры.

Однако профессора медицинского факультета не поддержали М. Я. Мудрова. Мы не склонны думать, что они возражали против его идеи как таковой, но, по-видимому, их действительно больше заботил вопрос о введении седьмой профессорской должности на факультете. А убедить в этом начальство, предложив организовать кафедру, уже созданную в целом ряде университетов Европы, было, несомненно, легче, чем обосновывать необходимость выделения патологической анатомии в самостоятельный предмет преподавания при условии, что в Европе подобных кафедр еще не существовало. В результате единственная принципиальная поправка к действовавшему уставу применительно к вопросам университетского медицинского образования в итоговое мнение Совета не попала, а была представлена министру в качестве "особого мнения".

¹⁶ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. — СПб., 1875. — Стб. 301.

¹⁷ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 2648. — Л. 12 об.

¹⁸ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 3086. — Л. 17 об.

¹⁹ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Цит. соч. — С. 43.

²⁰ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 2648. — Л. 40 об.

²¹ Там же. — Л. 41.

²² Там же. — Л. 41 об.

Провокация Шишкова удалась. ... Профессора Московского университета, включая медицинский факультет, фактически заявили о своем нежелании кардинально менять действовавший Устав. У Оболенского был шанс остаться в стороне. Он мог открыто отмежеваться от мнения профессоров, сопроводив его соответствующей пояснительной запиской. Но он этого делать не стал, а просто переслал итоговое мнение Совета в министерство. У Шишкова руки были развязаны, и отставка Оболенского не заставила себя долго ждать,

Уже осенью 1825 г. в Московский университет прибыл новый попечитель — генерал-майор А. А. Писарев, очень скоро продемонстрировавший профессорам, что такое новая политика в области народного просвещения в действии. Московский университет стал стремительно превращаться в казарму: мундиры, досмотры личных вещей студентов, беспардонные вторжения на лекции и занятия, неприкрытое хамство в адрес профессоров, резкое ограничение самоуправления.

Но установлением казарменных порядков и введением карательных мер против любого проявления свободомыслия деятельности Писарева не ограничилась. Под лозунгом: "Сколько ни люблю науки и ученых людей, но истина мне дороже" — Писарев уже в ноябре—декабре 1825 г. развернул активную работу по кардинальному реформированию организации и содержания учебного процесса в университете. "Если Просвещение заключается в твердом познании своих обязанностей в гражданском существовании нашем, то состояние полученного, — писал генерал-попечитель, — есть самое ненадежное и бесполезное для Государства, потому что в этом состоянии облекается человек в какую-то глупую самонадеянность, упрямство и в смешное ячество и делается ни к чему годным: ни к служению военному, ни к Гражданскому, и вреден на кафедре! Сей, так сказать, Полиматический пигмей, не от чего другого порождается на свет, как от умственного расплодившихся наук, педантством возлелеянных! Короче сказать, преподавание наук нужно то только, от которых Государство иметь может существенную пользу... Станет ли века человеческого изучиться всем отраслям науки, которые вымышлены или раздроблены досужими энциклопедистами? Без веры и нравственности и самый Филомаф есть только гроза для здравого разсудка, а посему определим науки верою и нравственностью и начнем учение наше с сих спасительных словес: начало премудрости страх Господень"²³.

Мы не случайно привели здесь столь обширную выдержку из документа, составленного Писаревым вскоре после его назначения попечителем. Этот текст как нельзя лучше характеризует направленность "преобразований", которые он предполагал осуществить. "В университете, — справедливо отмечал Е. И. Чазов, анализируя деятельность Писарева, — складывалась тяжелая ситуация"²⁴. С такой оценкой периода истории Московского университета во время попечительства Писарева трудно спорить. И все же отметим, что деятельность Писарева на посту попечителя Московского учебного округа не следует трактовать исключительно как попытку "разгрома" университета. Мы не беремся судить о том, какие последствия имела проводившаяся им политика переориентации учебного процесса на подготовку государственных служащих для физико-математического, словесного или нравственно-политического факультетов, но для медицинского, который, кстати говоря, стал главным объектом внимания Писарева, считавшего именно медицинский "самым важным" среди других факультетов университета, его стремление подчинить преподавание всех наук задаче формирования практикующего врача, несомненно, сыграло и позитивную роль в деле совершенствования учебной программы подготовки врача в Московском университете.

Анализ выявленных нами архивных документов свидетельствует, что Писарев был опытным и серьезным администратором. Остается только удивляться, как человек, никогда в прошлом не занимавшийся вопросами университетского медицинского образования, смог настолько точно определить слабые места в организации и содержании учебного процесса на факультете. Всего за несколько месяцев сориентировавшись в ситуации, он выделил для себя два основных направления, по которым запланировал провести срочные преобразования. Первое состояло в дальнейшем расширении объема практической подготовки, второе — в установлении строгой последовательности преподавания всех без исключения дисциплин медицинского факультета.

Писарев негодовал, и у него были все основания рассматривать действия профессоров как откровенный саботаж. Но молчание и отписки профессоров медицинского факультета не были результатом саботажа. Документы, представленные ими в конце июля—начале августа 1826 г. в ответ на третье, уже гневное, обращение к ним попечителя, свидетельствуют, что профессора попросту не могли ответить на поставленные Писаревым вопросы. В частности, в этих документах говорилось, что,

в рамках первого из названных направлений он считал для себя возможным действовать самостоятельно без чьей-либо помощи, или, как он писал, "сообразив опытную часть по себе самом"²⁵. Уже 7 декабря 1825 г. Писарев направил министру специальное донесение, в котором, во-первых, отметил целесообразность увеличения коечной мощности клинических институтов и университетских больниц, также использовавшихся для целей обучения студентов, а во-вторых, поставил вопрос о значительном продлении стажировки в больнице, которую студенты проходили после окончания полного курса факультетских наук перед аттестацией на врачебные звания, и в качестве важнейшего средства обеспечения этого замысла предложил "выстроить дом при Московской Главной Военной Госпитали для помещения молодых врачей, которые выдержали испытание на врачебные степени, должны заниматься практическими упражнениями в оной Госпитали до производства их в медицинские чины"²⁶.

16 апреля 1826 г. Писарев завершил составление и направил в министерство новый проект университетского устава, отличительной особенностью которого применительно к проблеме медицинского образования являлось огромное число различных предложений, направленных на совершенствование практических аспектов подготовки будущих врачей. В частности, вновь повторив свою идею о строительстве дома при Московском военном госпитале и продлении стажировки студентов у постелей больных, Писарев предлагал: существенно расширить курс секционных занятий в Анатомическом театре "для точнейшего познания тела человеческого, и для приобретения лучшего навыка к деланию операций, и к освидетельствованию трупов"; включить в преподавание фармацевтических дисциплин "практические упражнения в Аптекарском искусстве"; выделить "Окулистику" в самостоятельный профессорский курс; ввести в учебную программу подготовки врача "преподавание Ортопедии, или показать некоторые приемы Костоправной науки"; включить в Устав требование обучать студентов медицинских факультетов навыкам "кровопускания", "вырывания и лечения зубов", "прививания предохранительной оспы"²⁷. Забегая несколько вперед, отметим, что почти все из высказанных Писаревым в апреле 1826 г. предложений впоследствии были реализованы и включены в учебный план медицинского факультета Московского университета.

Что же касается установления строгой последовательности преподавания дисциплин медицинского факультета, то здесь Писарев не видел возможности действовать самостоятельно. Он четко представлял себе цель, но для ее достижения нуждался в помощи специалистов. Однако, как свидетельствуют архивные документы, профессора оказались не готовы к тому, чтобы оказать ее. Когда 16 декабря 1825 г. Писарев обратился к Совету Московского университета с запросом о том, "могут ли Студенты слушать вдруг все лекции, как ныне то делается, или между предметами должно назначить и определить постепенность", и предложил одновременно продумать возможность того, чтобы "каждый профессор оканчивал предмет свой в один год, ибо студенты меняются ежегодно", какого-либо ответа он не получил²⁸. Также по существу ничем закончилось и повторное обращение попечителя к профессорам университета от 5 мая 1826 г. Правда, на этот раз профессора сообразовали отреагировать, прислав 24 мая в качестве ответа ... историческую справку, "заклучавшуюся... в Хронологическом означении, в которое время когда что вводилось в обучение в университете"²⁹.

Писарев негодовал, и у него были все основания рассматривать действия профессоров как откровенный саботаж. Но молчание и отписки профессоров медицинского факультета не были результатом саботажа. Документы, представленные ими в конце июля—начале августа 1826 г. в ответ на третье, уже гневное, обращение к ним попечителя, свидетельствуют, что профессора попросту не могли ответить на поставленные Писаревым вопросы. В частности, в этих документах говорилось, что,

²⁵ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 3086. — Л. 9.

²⁶ Там же. — Л. 32.

²⁷ Там же. — Л. 31 об.—32.

²⁸ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 1625. — Л. 88 об.—89 об.

²⁹ Там же. — Л. 88 об.

²³ ЦИАМ. — Ф. 459. — Оп. 1. — Д. 3086. — Л. 27—27 об.

²⁴ Чазов Е. И. Истоки. — М., 1994. — С. 111.

во-первых, они "находят затруднение в оканчивании относящихся к ним курсов наук в один год"³⁰, а во-вторых, что "совершенную постепенность в медицинских лекциях соблюсти невозможно", и сообщали попечителю о своем решении "придерживаться впредь" того порядка преподавания на факультете, которого они "придерживались ранее", а именно: "а) по медицинской части: 1^е Натуральная история, 2^е Математико-Физика, 3^е Химия, 4^е Фармация, 5^е Анатомия, 6^е Физиология, 7^е Патология и Терапия, 8^е Фармакология и Рецепттура, 9^е Хирургия общая, 10^е Клиника, 11^е Частная хирургия и Хирургическая Клиника, 12^е Глазные болезни, 13^е Повивальное искусство с женскими и детскими болезнями, 14^е Судебная Медицина, и Медицинская полиция, 15^е История медицины. б) по ветеринарной части: 1^е Зоотомия и Физиология домашних животных; 2^е Диететика, 3^е Экстерьер, 4^е Общая Патология и Фармакология, 5^е Частная Патология и Терапия и 6^е Хирургия"³¹. В целом такой порядок преподавания дисциплин медицинского факультета вполне соответствовал требованиям времени, и у профессоров было моральное право на нем настаивать. Писарев и не спорил с ними, а лишь констатировал, что этот порядок не соблюдается. В условиях отсутствия четкого распределения предметов по годам обучения и двухлетней продолжительности преподавания курсов это было просто невозможно и подавляющее большинство дисциплин, которые профессор медицинского факультета справедливо расположили на бумаге последовательно, читалось студентам одновременно.

Совет университета поддержал позицию профессоров медицинского факультета, и Писареву ничего не оставалось делать, как временно смириться с уже сложившимся в университете порядком преподавания: профессора искусно выиграли время и довели обсуждение поставленных попечителем вопросов до начала следующего учебного года, когда надо было отдавать в печать новые "Объявления о публичных учениях...", и что-либо менять было уже поздно.

Однако инициативы Писарева не пропали даром. Своими настойчивыми обращениями и требованиями он все-таки заставил профессоров медицинского факультета задуматься над необходимостью внесения коррективов в сложившиеся на факультете принципы организации учебного процесса.

О результатах этих размышлений можно судить по "Нарочитой лекции о пользе Врачебной Пропедевтики, то есть Медицинской Энциклопедии, Методологии и Библиографии", прочитанной деканом факультета М. Я. Мудровым 3 октября 1828 г. В этом выступлении Мудров, во-первых, полностью признал правоту Писарева как в отношении необходимости установления последовательности преподавания всех без исключения дисциплин медицинского факультета, так и в том, что она в Московском университете вплоть до начала 1828/29 учебного года не соблюдалась ("...Деканы, иногда поневоле, принуждены были записывать студентов на лекции против правил методологии..."), а во-вторых, сообщил о введении с 1828/29 учебного года "для отвращения сего существенного недостатка" нового порядка преподавания наук на медицинском факультете, предусматривавшего строгое распределение учебных предметов по годам обучения: "А. В первогодичный курс: 1) латинский язык, 2) первые три части анатомии, 3) начальные основания математики, 4) физику, 5) натуральную историю и 6) химию.

В. Во второгодичный курс: 1) анатомию частную, 2) практическое упражнение в рассечении трупов, 3) физиологию, 4) фармакологию и фармацию, 5) сочинение рецептов, 6) науку о хирургических повязках и 7) сравнительную анатомию и физиологию домашних животных.

С. В третьегодичный курс: 1) повторение анатомии, 2) продолжение практических упражнений в рассечении трупов, 3) общую патологию, терапию и гигиену, 4) частную патологию, терапию и клинику с анатомико-патологическими демонстрациями, 5) учение о хирургических операциях, 6) хирургию и хирургическую клинику, 7) науку о глазных болезнях и 8) ветеринарную науку.

Д. В четверогодичный курс: 1) повторение частной патологии, частной терапии и клиники с анатомико-патологическими демонстрациями, 2) повторение хирургии и хирургической

клиники, 3) делание операций над трупами, 4) акушерство с детскими болезнями, 5) учение о женских болезнях, 6) судебную медицину и медицинскую полицию и 7) историю медицины"³².

Приведенный Мудровым в его "Нарочитой лекции" учебный план медицинского факультета представлял собой значительный шаг вперед по сравнению с тем, как был организован учебный процесс на факультете до 1828 г. Так, например, он полностью исключал даже теоретическую возможность того, чтобы студенты, как прежде, изучали химию и натуральную историю одновременно с фармацией и фармакологией, а эти дисциплины читались бы параллельно с преподаванием частной патологии, терапии и клиники.

И тот факт, что Мудров не выдавал желаемое за действительное, а констатировал уже свершившееся событие, подтверждается целым рядом архивных документов, датированных 1828—1832 гг., свидетельствующих о введении на медицинском факультете Московского университета с 1828/29 учебного года курсовой системы организации учебного процесса. Необходимость в перепроверке слов Мудрова не диктовалась недоверием к этому уважаемому профессору, а явилась следствием того, что в опубликовавшиеся официально Московским университетом "Объявления о публичных учениях..." (с 1832/33 учебного года "Обозрение публичного преподавания...") данные о существовании на медицинском факультете курсовой системы организации учебного процесса были включены только начиная с 1832/33 учебного года³³.

Истинную причину задержки с официальным объявлением о введении курсовой системы организации учебного процесса установить не удалось. Однако не исключено, что решили сначала убедиться в целесообразности и эффективности этого нововведения. Поэтому сведения о новом порядке преподавания попали в расписание лекций лишь после того, как зачисленные в 1828/29 учебном году студенты завершили полный курс подготовки в условиях новой системы организации учебного процесса. Необходимость же в проведении подобного эксперимента скорее всего стала следствием возникшего противостояния между инициаторами введения курсовой системы обучения — Писаревым и Мудровым — и большинством профессоров факультета, которые, как уже неоднократно отмечалось, не только не видели необходимости в каких-либо кардинальных преобразованиях, но даже настаивали на сохранении существовавших принципов организации учебного процесса. На эту мысль наводит анализ "Нарочитой лекции" Мудрова, в которой автор не столько объясняет пользу знания "методологии, энциклопедии и библиографии медицины" для будущих врачей, сколько доказывает необходимость следования законам медицинской методологии при построении программы обучения в высшем медицинском учебном заведении, установления строгой последовательности преподавания и изучения медицинских наук. А использовавшаяся при этом Мудровым система доказательств с частыми ссылками на опыт ведущих европейских университетов, больше напоминающая приемы убеждения начальства, нежели систему обоснований в учебных лекциях, не дает избавиться от впечатления, что он выступал в 1828 г. не столько для студентов, сколько для коллег-профессоров.

Впрочем, есть и более весомые аргументы. В Центральном историческом архиве г. Москвы нами обнаружены документы, прямо свидетельствующие о существовании серьезных разногласий по вопросу о введении курсовой системы организации учебного процесса между Мудровым и его коллегами. Еще 30 августа 1826 г., вскоре после того как профессора медицинского факультета представили попечителю упоминавшиеся выше заключения о невозможности ограничить продолжительность преподавания профессорских курсов одним годом и установить строгую последовательность изложения учебных дисциплин, Мудров направил в Совет факультета официальное донесение, в котором выразил категорическое несогласие с позицией профессоров. Он заявил, что, несмотря на требования попечителя, "Обозрение последовательности преподавания врачебных наук" готовилось без его участия, "с его мнением несогласно", и что он приступил к "составлению особого обо-

³² Мудров М. Я. Избранные произведения. — М., 1949. — С. 273—274.

³³ Обозрение публичного преподавания наук в Императорском Московском университете с 17 дня Августа 1832 по 28 июня 1833 года. — М., 1832.

³⁰ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 249. — Д. 14. — Л. 332.

³¹ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 1625. — Л. 90 об.

зрения"³⁴. К сожалению, все предпринятые нами попытки обнаружить этот документ не увенчались успехом. Нам удалось лишь установить, что такое "обозрение" Мудров составил, и что оно не вызвало интереса у профессоров факультета³⁵. Но оно, по-видимому, с удовлетворением было встречено Писаревым, который, наконец-то, смог добиться хотя бы от одного из профессоров медицинского факультета конструктивного ответа на свои вопросы и получил возможность действовать.

Мы столь подробно остановились на деятельности Писарева по введению на медицинском факультете Московского уни-

верситета курсовой системы организации учебного процесса не только потому, что это нововведение явилось одним из важнейших событий истории факультета, определивших начало формирования принципиально новой учебной программы подготовки врача и совершенно выпавших из поля зрения отечественных историков медицины. Вступив в конфронтацию с профессорами медицинского факультета и одновременно заставив их задуматься над необходимостью усовершенствования программы подготовки специалистов-практиков, Писарев невольно повлиял на судьбу всего российского университетского медицинского образования. Кроме Мудрова ответить на поставленные Писаревым в 1825—1826 гг. вопросы смог еще один выдающийся профессор медицинского факультета Московского университета — Ю. Х. фон Лодер.

Поступила 18.02.98

³⁴ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 81. — Д. 1625. — Л. 109 об.

³⁵ Там же. — Л. 110.